Павел Бажов

# Дорогой земли виток

По порядку говорить, так с Тары начинать придется. Река такая есть. Повыше Тобола в Иртыш падает. С правой стороны. При устье городок стоит. Тарой же называется. Городок старинный, а ни про него, ни про реку больших разговоров не слышно. Жилье, видишь, в той стороне редкое, - и славить, как говорится, некому. А меж тем река немалого весу: лес по ней сплавляют, и пароходы с давних годов ходят. Мелконькие, конечно, и не во все время, а только по полой воде.
Мне все это за новинку показалось, как сам-то из других мест. С молодых годов и по сей день работа моя по угольным шахтам. Прирожденный, можно сказать, угольщик, а тут оказался на этой самой Таре, в партизанском отряде. Как это вышло, рассказывать долго, да и речь не о том. Отряд был маленький. Только что начал собираться. В начальниках у нас ходил Федор Исаич. Пожилой уж человек, из унтер-офицеров старой службы, а раньше, сказывают, слесарем был не то в Омске, не то в Куломзинском депо. Из пришлых, кроме нас двоих, был еще один с московского какого-то завода. Звали этого парня Вася Стриженый Ус. Сибиряки, видишь, по тому времени усы-бороду в полный рост запускали, - у кого как выйдет, а этот обиходил себя - брился и усы коротенько постригал. По грамоте он у нас вроде политрука был, а потом, слышно, в военкомы вышел. Жив ли теперь, - не знаю. Справиться бы, да фамилию так и не узнал, а по прозвищу разве доберешься. Хороший парень. Любили его. Остальные, конечно, из тамошних крестьян были. Из бедноты больше. Ну, и средняк тоже подходить стал. Возраст был разный, а про обученье военное и говорить не приходится. Были и фронтовики, были и такие, что винтовку до того в руках не держали. Ну, и охотники были. Из таких, что пулю никогда мимо не пустят. А больше всего было лесорубов да сплавщиков. Народ, надо сказать, на редкость крепкий, терпеливый да изворотистый.
Пока были глубокие снега, отряд наш держался в заброшенной смолокурке. Туда без лыж не пройдешь. Лыжи и были главной нашей силой. На лыжах наши нежданно-негаданно для колчаковцев появлялись в дальних деревнях, делали там переполох, отбивали оружие и уходили. Главной заботой отряда тогда было добыть побольше оружия и патронов. С кормежкой тоже было туговато, но все-таки лучше. Лосиное мясо добывали охотой, а хлеб доставали через надежных людей из двух деревень.
С таянием снегов стало гораздо хуже: лося уж не добудешь да в деревни дальние не проберешься. Пришлось переменить место остановки. Наши деревенские дружки в это время как раз передали, что по первой воде до Займища побежит пароход за оружием и патронами, которые будто бы там хранятся. Нам такой случай пропускать было нельзя, потому как недостача оружия и патронов нас больше всего вязала. Перекочевали к тарскому берегу в глухом месте и решили тут покараулить. Так и вышло. Только Тара очистилась ото льда, как вверх пробежал маленький пароходик. Шел он сторожко, гудков не давал и мимо деревень старался проскользнуть либо ранним утром, либо вечером. Видно, что идет он неспроста, таится. Значит, не зря говорили, что за особым грузом.
Из леса мы видели этот пароходишко. Вроде катера он, только колесный. Местные жители объяснили:
- На таких пассажиров не возят. Это подрядчики по лесному делу на таких по полой воде везде шныряют. Посадка, видишь, мелкая. Такой может теперь туда пробраться, куда потом и на лодке не просунешься. Судовой прислуги на нем не больше четырех человек: штурвальный, - он для важности капитаном зовется, -механик, кочегар да матрос. А все-таки с лодок его, поди, не возьмешь. Подготовку надо сделать.
Командир наш сперва посомневался:
- Простоим тут неведомо сколько!
Плотовщики все-таки его сразу уговорили:
- Не беспокойся! Вода, видишь, слабая. Того и гляди, на убыль пойдет. Пароходу-то назад

поторапливаться надо, а то застрянет на все лето. Дня через два непременно должен обратно пройти.
- Коли так, - решил командир, - делайте подготовку, как лучше, а я в пехоте служил, - не умею с пароходами обходиться.
Плотовщики и занялись. Первым делом пригнали из деревни две лодки. Потом в узком месте реки сделали завалы: с того и другого берега свалили несколько сосен вершинами в воду. С ходовой стороны прикрыли завалы кустами тальника, - будто подмоина скопилась. Из толстых бревен приготовили сплоток, чтобы лычагами перетягивать его с берега на берег. Для верности в узком проходе забили еще десятка два жердей в наклон против воды. Концы срезали с расчетом разбить пароходные колеса. В ту весну никто сверху лесу не сплавлял, и можно было не бояться, что тяжелый плот своротит всю эту загороду.
На деле вышло даже лучше, чем предполагали. Штурвальный, видно, понадеялся проскочить меж кустов под берегом и налетел на завал да так ловко, что наши сразу заняли палубу. Штурвального, который ухватился за оружие, сбросили в Тару.
- Прохладись, коли ты такой горячий на хозяйское добро!
В трюме оказалось шестеро охранников из мобилизованных. Они побросали винтовки. Словом, обошлось все гладко, но вместо ожидаемого оружия и патронов оказались пушнина, плиточный чай, сколько-то голов сахару и три мешка пшена. Тобольский купчишка, надо думать, обманул своих: насказал им в складе оружия на Займище, а сам думал, как бы вывезти свой товар. Теперь этот купчишка стоял около мешков с пушниной и бормотал:
- Не при чем я тут, товарищи! Вовсе не при чем! Подневольный человек... Что мне велят, то и делаю.
- Оружие есть? -спросил его один из наших.
- Что вы, что вы, товарищи! Какое у меня оружие. Хозяин, правильно сказать, велел мне оборужиться, да я наотрез отказался. Раз не военный человек, с оружием обращаться не умею, на что мне оно. Да и не согласен я кровь проливать...
- Вишь, разговорчивый, стерва! - удивился подошедший к нему отрядник. -А ну, показывай!
В это время мешки с пушниной зашевелились. Их сейчас же раскидали. Под мешками оказалось трое связанных по рукам и по ногам с забитыми джебагой ртами. Двое мужчин, одна женщина. Первой освободили от веревок женщину. Это оказалась старуха такого большого росту, что редко встретишь, да и по глазам приметная. Волосы, понимаешь, седехоньки, брови тоже, а глаза черные и блестят, как вот антрацит в изломе. Смотреть даже в такие глаза беспокойно, - будто ты что неладное сделал.
Старуха выхватила клок джебаги изо рта, отплевалась, откашлялась и шагнула в сторону купца.
- Завертелся, пес? Подневольным прикинулся, а на деде кто? Не по твоему ли наущенью связали нас, будто мы оружие у тебя растащили? Вот и объясни теперь, в котором месте у тебя оружие было и на кого ты его припасал?
Потом совсем по-другому объяснила нам:
- Кабы такой склад на деле был, давно бы его нашли и передали, кому следует.
Купчишка, знай, машет руками на старуху и твердит одно:
- Ведьма, она. Шаманка. Не верьте ей, не верьте!
Тут двое других освобожденных заговорили:
- Точно, хозяин он. На Займище у него скупка пушнины, а склада оружейного не было. Только и было оружия, что с собой привозил: магазинка на пятнадцать зарядов да два револьвера. В машинном отделении, надо думать, спрятал. Туда бегал.
- А запасные патроны вон в том мешке, - указала старуха.

Магазинку, револьверы и патроны нашли. Суд над купцом был короткий: в Тару. За ним же и двоих охранников. Про них освобожденные в один голос говорили:
- Собаки хозяйские. Все вынюхивали да норовили каждого укусить. И над народом измывались. Пушнину и деньги рвали.
Только покончили с этим делом, из деревни прибежали двое подростков. Сыновья нашего деревенского дружка Степаныча. Запыхались оба, друг дружку перебивают. торопятся рассказать:
- Конные в нашу деревню наехали... По избам с плетями ходят... Про вас допытываются...
- Когда были, сколько человек?
- Тятя сейчас из лесу прибежал... Велел сказать... Рота за ними идет... А поручик у них тот самый, который к нам по порке приезжал... С черными усами... Распушены, как у кота... И два у них пулемета... Один со сковородкой... Тятя забыл, как его зовут... А другой - "максим"...
- При "максиме" пулеметчиком Филька Храпов... Из нашей деревни...
- Большой дом... У мостика который...
В нашем отряде хоть прибавилось оружия, но патронов было мало. Приходилось уходить в лес. Выслали в сторону деревни небольшой заслон и стали готовиться к отходу. Пушнину переправили на другой берег, запрятали там в кустах и наказали ребятам:
- Скажи отцу - пусть приберет, как можно станет. Пароходик оттянули на глубокое место и затопили по трубу. Сплоток и одну из лодок пустили по реке в расчете, что деревенские переймут. Самое же привычное дело. Мало ли несет по воде. Другая лодка была степанычева. На ней велели ребятам задержаться на реке до вечера. Будто целый день рыбачили. Чтоб на правду походило, сак им оставили и даже рыбы сколько было в лодку набросали.
Двоим освобожденным дали винтовки. Четверых бывших охранников и троих из судовой прислуги приняли в отряд, но оружия не дали.
- Будете вроде нестроевых, а дальше поглядим, - сказал командир.
Старуху он сначала хотел отговорить:
- Ты бы, бабушка, шла в деревню. Сказалась бы проходящей. Иду, дескать, в город с внучатами повидаться. А то куда тебе с нами по лесам шататься.
Старуха это выслушала, да и говорит:
- Худо, милый сын, придумал. Худо. Кто же из здешних берегом в город пойдет, когда сплыть можно, и лодка там дороже, чем ее тут купить. Да и знают меня по всей Таре и Тартасу и в Тобольске тоже. Пес-от тот не зря меня спеленал. Выкрыться перед своими хотел. Вот, дескать, это и есть ходячая зараза. Бродит везде да мутит народ. Всем наговаривает, будто большевики ладно придумали, что без хозяев легче и светлее станет жить.
- Ну, дело твое, - согласился наш Исаич. - Только на нас не пеняй, коли тяжело придется, как годы твои немолодые.
- Об этом, - отвечает, - печали нет. По лесам-то бродить привычна. Не всяк молодой за мной угонится, в места кругом знаю не хуже доброго охотника. Может, пригожусь еще этим. Кровь остановить могу, травами да мазями людей пользую. В военном деле мало ли случается, что человеку пособить надо. В досужий час и сказку могу сказать. Послушаешь - не похаешь.
- Ну-ну, - улыбнулся командир, - зачислена на все виды довольствия в санчасть отряда "Северный боец".
Так вот и появилась в нашем отряде первая женщина - рослая, могутная старуха, с пронзительными глазами. Ни раньше, ни позднее не слыхивал я такого имени. Звали ее Кумида. Думали сперва - раскольница либо какой другой нации. Но тоже не подходило: не молитвенница и по-нашему говорила без всякой оплошки.
С самого начала бабка услужила отряду. Она посоветовала:

- Слушай-ка, начальник! Коли силы у вас нехватка, давайте-ка сведу вас под лесную ушиту. На меж-полдень, видишь, место посуше пошло. Верст через двадцать там и вовсе горки пойдут. Тайга там в урман клином врезалась, а в тайге по моховому болотцу буревал прошел. Полянка не полянка, а все-таки чистенькое место. Ежеля руки с топорами приложить, так и вовсе ладно устроить можно. Заберись на эту полянку, и не то что пулеметом, пушкой тебя не доймешь, а ты постреливай без урону.

И от Тары не больно далеко. В случае опять поохотничать можно.

Бабке поддакнул один охотник:

- Верно сказывает. Про полянку не знаю, а таежный лес в том месте близко подходит.

Кому в это вникать не доводилось, тому - что бор, что парма, что урман, что тайга - все лес, а на деле разница есть, и не маленькая. Про бор да парму тут говорить не стану, а урман от тайги большую отличку имеет. По урману не то что пешему, а и конному пробираться просто. Там всегда прогалы есть. По-сибирскому гривками зовутся. Ну, а тайга - лес сплошняком. Через такой не скоро продерешься.

Вот к такому сплошняку и привела нас бабка Кумида. Все оказалось, как она говорила. Наши лесорубы живо руки приложили: кое отвалили, кое подчистили, и вышло становище, хоть костры ночами запаливай. Дороже всего, что и вода тут. Болотная, правда, а пить все-таки можно.

На другой день конники колчаковские по нашему следу добрались, да семь винтовок потеряли. Ну, патронов у них тоже маловато было. Только по две запасных обоймы.

Поручик с ротой тоже подходил. У него хуже вышло. Он, видишь, сперва, для устрашенья видно, две пулеметных ленты израсходовал почем зря, - по таежному лесу. А наши охотники в ответ пулеметчиков сбили. В том числе и Фильку Храпова кончили. Тогда поручик решил, видно, нас измором взять, обложил наш таежный угол цепью. Только нам это вполгоря, потому хлебных припасов у нас дней на десять было, вода есть, и наши посменно отдыхали у костров, а тем приходилось маяться на холодной апрельской земле. Да у поручика и тем было хуже, что народ насильно мобилизованный, а наши по ночам кричат:

- Кому надоело за буржуев воевать, переходи к нам. Винтовку дулом книзу - примем. Кто больше патронов принесет, тому веры больше.

Кончилось тем, что наш отряд пополнился, а поручик с остатками роты еле ноги уволок, и пулемет у него - со сковородкой-то - отбили. По тому времени это штука немаловажная была. Потом, как опять на Тару вышли, - про нас заговорили: "У них пулемет есть", и средняки, которые все еще в затылках чесали, как быть? - стали один по одному подходить к нам. Наш Исаич уж заподумывал, не пора ли на городок ударить.

В военном деле конечно, не без урону. Были у нас убитые и раненые. Вскоре мы все узнали, что бабка Кумида- лекарка знатная. Как-то у нее и перевязка всегда найдется, и мази, и пластыри. Питье тоже из разных трав варила. Прямо сказать - полная аптека. Да еще что! Раньше я не верил этому, а тут воочию увидел, - могла она кровь останавливать. Коли рана верховая, по мякоти, бабка оголит это место на руке ли, на ноге, уставится на раненого глазами и начнет наговаривать. Слова будто ласковые, а глазами так и буравит, так и буравит. Глядишь, - кровь и остановится. После того перевяжет бабка рану натуго и даст своего питья, от которого человек сразу заснет. Спит долго. Выспится, день-два с перевязкой походит, - и здоров.

Дивились мы этому. Васю нашего спрашивали, о чем тут сила. Ну, он говорил, что слова тут не при чем, а сила в бабкиных глазах. Ими она человека покоряет, заставляет верить, что он здоров. Может, верно это, а только мне больше такой, штуки видеть не доводилось.

Сказки бабки Кумиды тоже слыхал. Она их сказывала без балагурства, без шуток-прибауток, а будто на деле так было. Ну, скажем: почем тобольскому купцу медвежья шуба обошлась, какой

цветок у крестьянского начальника в саду вырос, как работник из хозяйского дома кривду выгонял. Послушаешь, - будто дело прошлое, а подумаешь, - как раз тебе это и сейчас надо. Вася Стриженый Ус эти кумидины сказки в свою книжечку записывал.
- Беспременно, - говорил, - надо эти сказки напечатать. Очень они полезные.
Напечатал ли, - это сказать не могу. Искал я такую книжечку. Охота было по ней и про Васю узнать. Ну, не нашел. Своих ребят и других высокограмотных спрашивал, - не знают. У нашей клубной библиотекарши - она по этому делу старуха дошлая - справлялся, тоже говорит, - не видала. Мне самому эти сказки, пожалуй, не рассказать. Одна только покрепче в голову запала. Эту и расскажу, как умею.
Вася Стриженый Ус - я уж это говорил - из москвичей был и любил про Москву рассказывать и всегда к тому сведет, что надо, дескать, этот город на особой примете держать. Раз так-то разговорился, а бабка Кумида тут же была. Послушала-послушала, да и говорит:
- Хорошо, - Васильюшко, сказываешь. Послушать любо. Только иное слово и за обиду почесть можно.
Вася даже всполошился:
- Какая обида? В чем?
- А вот послушай нашу сибирскую сказочку, тогда и спрашивать не станешь.
Мы, которые при разговоре случились, поддакнули:
- Скажи, бабка Кумида.
Она и стала рассказывать. - И тут в первый раз помянула про свои родные места.
- Родом-то я с дальней реки, с Амура. Если отсюда пойти, так раза в три дальше, чем до Москвы. Здесь жилья не густо, а в нашей стороне и того меньше. Ну, все-таки русский народ живет. И дальше нашего места городки и поселки есть Вот ты и пойми, на что глядя, народ в такую даль забирался. Стань распутывать, до Москвы доберешься. Малыми ватагами, чуть не в одиночку люди шли с одной надеждой, - Москва поддержит. Про нашего вон Атласова так рассказывают.
Жил этот Атласов еще при царе Петре. Какого он роду-племени, про то не ведаю, а звали Володимиром и по делу видать, - в Сибири родился, потому как с молодых годов в службу попал при Якутском городке. Каким-то случаем он грамоте разумел, а по тем временам это редкостью было. При грамоте он и выслужился в маленькие начальники при якутском воеводе.
В Москве Атласов не бывал, но много слышал про нее от бывальцев. Знал и то, что есть там площадь, - Красная называется. Самая главная, не то что для Москвы, а и для всей нашей земли. Про нее от бывальцев еще вот что узнал.
Старинные люди твердо обычай держали: коли случится кому с одного места в другой город уходить, так непременно должен этот человек взять с собой хоть горсть родной земли. Берегли эту горстку.
В Москву, конечно, люди со всех сторон шли. Кто по ремеслу, кто по торговле, кто по ратному либо еще какому делу. Многие заживались тут до смерти. А умрет человек, - куда землю, которую он в мешочке на гайтане носил? Если родня хоронит, так эту землю в могилу бросит, а если родни нет, провожать некому, то эту землю тоже зря не выбрасывали. За бесчестье это считалось. Надо было эту горстку земли нищим передать с особым наказом: "Прими-ка с денежкой и захорони с честью". У нищих опять свой обряд велся. Выйдут на Красную площадь, поклонятся во все стороны и раскидают ту землю с приговором. Когда знают, из какого места земля, непременно про это помянут. Волошская там либо черкасская, двинская ли рязанская, либо сибирская, а когда не знают, просто окажут - "неведомой стороны". У Володимира от этих разговоров и запало мечтанье одно. С мечтаньем, понятно, к воеводе не пойдешь, он и подал челобитную: хочу-де на восход солнца податься, поглядеть пустопорожние земли, есть ли там народы какие, чем земля богата и

нельзя ли ее под высокую государеву руку прибрать.
Воевода, - может, он из бояр был и только о том и думал, как бы поскорее к родовым землям воротиться, - прочитал челобитную и накинулся на Володимира:
- За такое челобитье велю тебя под батоги поставить. Вишь, что придумал. И без того бояр неведомо куда на воеводства садят, а ты захотел еще дальше их загнать.
Ну, Атласов не поддался.
- Коли ты, - говорит, - батогами грозишься, так я тоже с тобой по- другому заговорить могу. Закричу вот нужное слово, так не обрадуешься. Своей спины не пожалею и тебя на плаху приведу.
Воевода тут сразу присмирел, а от своего все-таки не отступился. По- иному отнекиваться стал. Нет, дескать, денег, чтоб походы этакие снаряжать, да и служилых людей отпускать из городка не ведено. Мало ли случай какой может быть. А коли тебе пришла такая охота, снаряжай поход своим коштом, зови охочих людей, а я мешать не стану.
И что ты думаешь? Извернулся ведь Атласов. У подьячего какого-то денег занял. Наобещал ему, конечно, дорогих мехов. Да еще купцу кабальную дал запись. Купил припасу, охочих людей набрал и пошел с ними, куда ему думалось.
Сколько он в дороге бед натерпелся, о том и говорить много не надо. И голодал, и обмерзал, и под ножами своих ватажников стоял, как они требовали: "Поворачивай домой". Самый ему близкий человек есаул Лука Морозко и тот говорил:
- Верно, Володимир, поворачивать домой надо. Земель вон сколько поглядели, мехов понабрали... Чего еще? Послушайся, а то может вовсе худо случиться: убьют.
Тут вот Атласов и сказал своему верному помощнику:
- Эх, Лука, Лука! Не таким, видно, я родился, чтоб за богатством гнаться. Дорогие меха, сам знаешь, подьячему да купцу за долг пойдут. Мне другое дорого. Хочу до кромки земли дойти, отломить кусок да в Москву, на Красную площадь. Пускай там будет земля и с самого краешка.
С этим мечтаньем дошел-таки до самой Камчатки, Мало того. Увидел, что вроде острова пошло, так он с Лукой разделился, велел ему вести ватажников по одной стороне, а сам пошел по другой. На том месте, где сошлись, Атласов памятный знак поставил и сделал надпись: в таком-то году и месяце был тут Володимир Атласов с товарищами. Всего пятьдесят пять человек.
Подумай, куда он с полусотней забрался! И только после этого повел ватагу в обратный путь. Тоже маяты было немало, а мешок земли все-таки взять с собой не забыл.
Когда добрался до Якутска, там уж другой воевода сидел. Этот, видать, понятливее оказался, - сразу отправил Атласова с мехами и записями в Москву.
В Москве, в Сибирском приказе с радостью приняли дорогие камчатские меха, а когда Володимир сказал, что он мешок камчатской земли привез, так смеяться стали.
- Зря, - говорит, - старался и лошадь маял. Земля везде земля. К чему ее с места на место перевозить.
Володимиру это обидно показалось. Ну, все-таки смолчал, а про себя подумал:
"Что ни говорите, а по-своему сделаю".
В Москве у Атласова хлопот-то вышло больше, чем он думал. В приказе, видишь, за меха сильно ухватились, а с расчетом туго пошло. Выдали Атласову девятнадцать рублев да товару на сто рублев приговорили отпустить. Атласов видит, - не сходится дело, придется ему за свою-то маяту еще в кабалу купецкую итти, подал челобитье самому Петру. У царя в ту пору как раз эта самая заваруха со стрельцами была. Не до того ему, чтобы челобитье разбирать по сибирским делам. Все-таки велел прибавить столько же рублями и товарами, а в приказе Атласова укорили:
- Что ты нас зря срамишь. Мы, поди-ка, тебя, казацким головой сделали. Чего еще надо? Головой-то ты вот как прокормишься.

Атласову этакий расчет не по душе, да что поделаешь, коли до царя больше добиться нельзя. Решил домой ехать, а о мешке с камчатской землей не забыл. В тот день, как уезжать, ранехонько вышел на Красную площадь, помолился на Василия Блаженного, поклонился Кремлю и стал раскидывать из мешка землю, а сам приговаривает, как молитву читает:
- Государыня наша, площадь Красная, прими ты на веки вечные землю камчатскую. Пусть в тебе, как своя, лежит, ничем не разнится.
Сделал так-то, и вроде ему веселее стало. Как проходил мимо Сибирского приказа, ухмыльнулся:
- Бобры да куницы разлиняются, не найдешь их, а земелька камчатская до веку в Москве останется.
По горькой своей судьбине Атласов не доехал на этот раз до Камчатки. В Сибирском приказе, верно, назначили его казацким головой и велели дорогой звать охочих людей. Атласов и набрал ватагу в Тобольске. С ними и дальше пошел, да, на свою беду, на сибирской уж реке набежал на дощаник какого-то купца. Нагружен этот дощаник пушниной. Атласов полюбопытствовал, что за меха, и видит, - из самых высоких сортов. В том числе и камчатские бобры есть, а их с другими не смешаешь. Тут Володимира взяло за живое: "Мы маемся - голов на жалеем, а купцы маются - карманы набивают". Выхватил он саблю, да и объявил:
- Было наше, стало твое, а теперь опять наше!
Захватил, значит, дощаник, а купца отпустил. Ну, ведь не нами сказано, что купец от своего сундука не отпустится, пока душу не вытрясешь. Так же и этот. Перед ватагой атласовской слова не сказал, а как добрался до Тобольска, такой вой поднял, что в Москве слышно стало.
Кончилось это тем, что Володимир со своими тобольскими ватажниками в тюрьму попал. Не один год просидел. Потом его вспомнили и опять начальником послали в Камчатку. Там он и смерть принял. Свои же зарезали, коим он не давал государскую пушнину по купецким рукам рассовывать.
Так вот, - сказывают, - когда Володимир, в тюрьма томился, так он одним себя утешал:
- Есть-таки в Москве, на Красной площади, камчатская земля, с самого краю. И добыл ее своим разуменьем, своим потом и кровью Володимир Васильев сын Атласов с товарищи.
Кончила бабка Кумида сказку и спрашивает:
- Понял ли, Васильюшко, нашу сибирскую сказочку?
- Понял, - отвечает.
- Ты и попомни это. Про Москву нам сказывай, - слушать с великой охотой станем. А что ее вровень с другими городами ставить нельзя, это мы, коим по дальним местам жить привелось, знаем, может, лучше твоего. Вы, тамошни, когда, поди, и забываете, по каким местам ходите, а мы Москву по всякому делу помним. Как говорится, затес на сосне сделал, на Москву оглянулся, - как она: похвалит ли?
Самый бестолковый, небось, это понятие имеет, что в Москве наш головной узел завязан, и про то слыхал, что там, на Красной площади самый дорогой земли виток. Такого нигде больше не найдешь, потому как там крупинки со всякого места есть. Коли на такой, всякому родной, земле огни зажгут, так еще поспорить надо, кому они яснее светят: тому ли, кто близко стоит, али тому, кто на краю нашей земли живет.